

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-4-408-412

ЛАРИН Александр Юрьевич,
к.ю.н., доцент, Вице-президент,
Международная ассоциация «Антиконтрафакт»,
e-mail: a.larin@anti-counterfeiting.ru

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ. НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ И КОНТРАФАКТ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость актуализации ряда норм Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 года, рассматриваются ключевые нормы-дефиниции, которые являясь исходными (учредительными) нормами, устанавливают не только официальное определение понятия, но и закрепляют признаки правового явления, оказывающие воздействие на всю сферу правового регулирования, связанную с закреплённым в норме понятием.

Ключевые слова: законодательство, интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, контрафакт, материальный носитель, нематериальный объект.

LARIN Alexander,
Phd, associate professor Vice President
International Association «Anti-Counterfeit»

DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF COUNTERACTION TO ILLEGAL TURNOVER OF INDUSTRIAL PRODUCTS. INTANGIBLE OBJECTS AND COUNTERFEITING

Annotation. The article substantiates the necessity of actualization of a number of norms of the Strategy on counteraction to illegal turnover of industrial products in the Russian Federation for the period up to 2025, considers the key norms-definitions, which being the initial (founding) norms, establish not only the official definition of the concept, but also fix the features of the legal phenomenon, affecting the whole sphere of legal regulation, related to the concept enshrined in the norm.

Key words: legislation, intellectual rights, intellectual property, counterfeit, tangible medium, intangible object.

Исследование антиконтрафактной политики в России – это всегда актуальная задача, поскольку результаты таких исследований позволяют систематизировать существующие подходы, методики и механизмы борьбы с контрафактом, выявлять проблемные аспекты, требующие доработки и усовершенствования, формировать обоснованную базу для предложений для актуализации.

Роль и место антиконтрафактной деятельности, деятельности по противодействию незаконному товарообороту получили самую высокую оценку государства, что подтверждается принятием и реализацией стратегических документов в этой области. Одним из ключевых документов здесь можно назвать Стратегию по противодействию незаконному обороту промышленной про-

дукции в Российской Федерации на период до 2025 года [3] (далее – Стратегия).

Наступление срока обозначенного в акте периода и очевидная необходимость продолжения реализации государственной антиконтрафактной политики предопределили и потребность в актуализации отдельных положений этого важнейшего акта. Практика реализации положений Стратегии показала, что изменения должны коснуться как отдельных разделов, так и отдельных положений (норм).

Одним из направлений, требующих актуализации можно назвать группу норм, имеющих исходное, учредительное значение для всей системы регулирования в рассматриваемой области. Речь идет о нормах-дефинициях (нормах-определениях), которые раскрывают сущность

явления и содержат характеризующие это явление признаки. Значение таких норм выражается в том числе и в том, что дальнейшее правовое регулирование должно исходить из содержания определения и учитывать те признаки, которые в этом определении содержатся.

Так, норма-дефиниция определяющая сущность и признаки контрафактной продукции имеет следующую структуру и содержание: ««контрафактная продукция» – промышленная продукция поддельного происхождения, на которой (или на этикетке, упаковке которой) незаконно размещены средства индивидуализации или содержатся сходные с ними до степени смешения обозначения, а также материальные носители, в которых выражены результаты интеллектуальной деятельности с нарушением исключительного права на такой результат;».

Не вызывает сомнений тот факт, что деятельность по противодействию незаконному обороту в контексте Стратегии связана только с промышленной продукцией, только с материальными носителями, которые, собственно, и признаются (могут быть признаны) контрафактными.

Бланкетный характер норм Стратегии, позволяющий признавать товар контрафактным определяется наличием аналогичных норм в акте большей юридической силы – Гражданском кодексе Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ). Применительно к нормам статей 1250, 1252, 1301, 1302, 1515, 1519, 1537 ГК РФ можно говорить о полном бланкетном соответствии, о четкой взаимосвязи характеристики «контрафактный» с материальным носителем, который в абсолютном большинстве случаев является продуктом промышленности – промышленной продукцией.

Тем не менее, разнообразие объектов интеллектуальной собственности, результатов интеллектуальной деятельности, права на которые могут быть нарушены, позволяет обнаружить и нематериальные объекты, которые по сути признаются в качестве контрафактных. Так нормы статей 1311 и 1312 ГК РФ прямо характеризует в качестве контрафактных объекты смежных прав.

В ст. 1311 устанавливающей ответственность за нарушение исключительного права на объект смежных прав, к категории контрафактного товара отнесены экземпляры фонограмм.

Фонограмма как запись исполнения музыкального произведения, других звуков либо их отображений может быть, как на материальном (аналоговом или цифровом) носителе, так и записаны в виде файла и храниться в виртуальном пространстве. Фонограмма имеет двойственную «физическую» природу и под категорию «промышленная продукция» по смыслу норм Стратегии не подпадает.

Кроме того, статья 1312 ГК РФ не менее однозначно позволяет отнести категорию контрафакта «к объектам смежных прав».

Перечень объектов смежных прав (ст. 1304 ГК РФ) содержит и «результаты исполнительской деятельности (исполнения), к которым относятся исполнения артистов-исполнителей и дирижеров» и «постановки режиссеров-постановщиков спектаклей», трудно назвать материальными даже при наличии условия охраноспособности – выражение «в форме, допускающей воспроизведение и распространение с помощью технических средств». Технические средства, например, записывающая аппаратура и компьютерные системы для хранения, воспроизведения и распространения «исполнения», не сделают это «исполнение» материальным.

Другой вопрос: делает ли, например, нарушение прав на компьютерную программу контрафактным жесткий диск компьютера или сервера, как материального носителя, в котором «выражены результаты интеллектуальной деятельности с нарушением исключительного права на такой результат»? Если «да» то, наверное, только в той части и в том объеме, в котором файлы «контрафактной программы (записи)» занимают место.

Таким образом, контрафактным по смыслу статей 1311 и 1312 ГК РФ во взаимосвязи со ст. 1304 ГК РФ может быть и нематериальный объект, например, «файл» как не материальный, а цифровой носитель объекта смежного права.

Сомнения по поводу возможности отнесения к категории контрафактного только материальных носителей разделяют и другие исследователи рассматриваемой сферы, указывая на необоснованное сужение в использовании этого определения. В специальной литературе не раз отмечалось, что вне правотворческого внимания остаются объекты авторского и смежного права, порождая, например, такие вопросы специалистов: «Может ли иметь место контрафакт в отношении, например, музыкального произведения, не записанного на диск или иной материальный носитель? Будет ли считаться контрафактным исполнение такого музыкального произведения без согласия автора?» [5] и ряд других вопросов.

Таким образом можно утверждать, что в профессиональной среде сложилась точка зрения о том, что термин «контрафактный товар (услуга)» более универсален, нежели понятие «контрафактные материальные носители». В связи с чем содержание нормы – дефиниции «контрафактная продукция» требует доработки с учетом нематериального характера ряда носителей объектов интеллектуальной собственности и общей направленности Стратегии.

Представляется обоснованным также обратить внимание и на норму определяющую сущность и признаки незаконного оборота промышленной продукции, которая сформулирована следующим образом: ««незаконный оборот промышленной продукции» - процессы (стадии) производства, переработки, реализации (купли-продажи или поставки) промышленной продукции, включая ввоз (импорт) на территорию Российской Федерации и вывоз (экспорт) с территории Российской Федерации промышленной продукции, в том числе фальсифицированной, недоброкачественной, контрафактной, незарегистрированной и несертифицированной промышленной продукции, продукции, произведенной без лицензии или с нарушением условий лицензирования, а также связанные с ними процессы расфасовки, упаковки, маркировки, хранения и транспортировки, осуществляемые юридическими и физическими лицами с нарушением требований законодательства Российской Федерации и международных договоров Российской Федерации, в отношении которых выражено согласие Российской Федерации на обязательность для нее таких договоров, иных нормативных правовых актов, включая муниципальные правовые акты, либо с нарушением вступивших в законную силу решений суда, либо уполномоченного органа государственной власти, либо органа местного самоуправления».

Анализ структуры и содержания указанной нормы позволяет отметить ее отдельные недостатки.

Использованный в норме термин «правовые акты» является родовым (общим, объединяющим) для официальных документов регулятивного и/или охранительного характера как нормативного, так и распорядительного типа. Правовыми актами таким образом являются и нормативные правовые, и правоприменительные, и интерпретационные акты уполномоченных субъектов.

В существующей редакции фраза «включая муниципальные правовые акты» охватывает соответственно все разнообразие муниципального правотворчества. Все названные виды правовых актов принимаемые на муниципальном уровне могут быть приняты к рассмотрению в конкретном деле по противодействию незаконному обороту промышленной продукции.

И если муниципальный уровень в соответствии с конституционным подходом выделен и обособлен, представлен максимально широко, то перечисление правовых источников собственно государственного уровня не структурировано на федеральный и региональный уровни. Здесь можно только предположить, что речь идет и о первом и о втором уровнях.

Указания на государственные правовые источники, которым должны соответствовать действия или нарушение которых влечет возможность отнесения к категории «незаконных» в рассматриваемой легальной дефиниции указывает на «законодательство Российской Федерации» и международные договоры Российской Федерации, действие которых согласовано Российской Федерацией.

Формулировка «законодательство Российской Федерации» предполагает, как расширительное понимание (широкий подход): законодательство как система всех принятых и действующих на территории Российской Федерации нормативных правовых актов – федеральных и региональных законов, подзаконных актов органов исполнительной власти также как федерального, так и регионального уровней, так и возможность рассматривать «законодательство Российской Федерации» с узкой точки зрения. Узкий подход к этому термину означает для Российской Федерации только принятые и действующие на ее территории законы – федеральные и региональные (законы субъектов Российской Федерации) законы [4, 6-9].

В пользу того, что в рассматриваемой норме используется узкий подход говорит и указание на то, что далее среди правовых источников по противодействию незаконному обороту промышленной продукции названы вступившие в законную силу решения суда и решения «уполномоченного органа государственной власти, либо органа местного самоуправления».

Решения органа местного самоуправления уже охватывается категорией «муниципальные правовые акты» и здесь явный повтор, т.е. излишний элемент в конструкции правовой нормы.

Решения «уполномоченного органа государственной власти» в существующей формулировке в большей степени подходит для характеристики распорядительного, правоприменительного акта. Если это так, то здесь можно увидеть пробел – отсутствие указания на подзаконные нормативные правовые акты органов исполнительной власти, которые составляют существенную и значимую часть сферы правового регулирования в Российской Федерации.

Нельзя обойти вниманием и акты контрольно-надзорных органов, которые также могут быть не только распорядительными документами, иметь не только охранительный характер, но и как показывает практика оказывать регуляторное воздействие.

Еще один пробел рассматриваемой нормы связан с указанием только на «вступившие в законную силу решения суда». Несомненная важность учета правоприменительного решения такого авторитетного субъекта в системе право-

вой защиты от незаконного оборота промышленной продукции как суд в имеющейся формулировке не учитывает правовые позиции (правоположения) высших судебных инстанций, которые основаны на обобщении и системном анализе судебной практики (совокупности судебных решений), содержат методологически выверенные правоположения, значение которых для правоприменения трудно переоценить. Здесь необходимо иметь в виду сложившуюся практику, при которой правовые позиции высших судебных инстанций, сформулированные в интерпретационных актах, актах пленумов и иных значимых судебных документах ложатся в основу норм федерального и регионального законодательства – практику имплементации результатов судебной деятельности.

Обращает внимание и отсутствие указания на право Евразийского экономического союза, которое, например, есть в норме-дефиниции «фальсифицированная продукция» Стратегии и несомненно должно учитываться для целей правового регулирования, правовой охраны и в правоприменительной практике.

Таким образом можно констатировать наличие в рассмотренной норме определенной проблемности (неполноты) и порока юридической техники.

Следуя парадигме «критикуешь – предлагай», будет обоснованным предложить следующий вариант формулировки нормы для преодоления рассмотренных недостатков: ««незаконный оборот промышленной продукции» - процессы (стадии) производства, переработки, реализации (купли-продажи или поставки) промышленной продукции, включая ввоз (импорт) на территорию Российской Федерации и вывоз (экспорт) с территории Российской Федерации промышленной продукции, в том числе фальсифицированной, недоброкачественной, контрафактной, незарегистрированной и несертифицированной промышленной продукции, продукции, произведенной без лицензии или с нарушением условий лицензирования, а также связанные с ними процессы расфасовки, упаковки, маркировки, хранения и транспортировки, осуществляемые юридическими и физическими лицами с нарушением требований законодательства Российской Федерации и международных договоров Российской Федерации, в отношении которых выражено согласие Российской Федерации на обязательность для нее таких договоров; требований права Евразийского экономического союза и иных правовых актов, включая правовые акты субъекта Российской Федерации и муниципальные правовые акты; с несоответствием правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда

Российской Федерации; либо с нарушением вступивших в законную силу решений суда; либо правовых актов уполномоченного органа государственной власти».

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации [Электронный ресурс] URL <http://pravo.gov.ru>.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Парламентская газета, № 214-215, 21.12.2006.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 06.02.2021 № 256-р «Об утверждении Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 22.02.2021, № 8 (часть II), ст. 1381.

[4] Ларин А.Ю. Теория государства и права. Учебник. (Серия «Высшая школа») – М.6 Книжный мир, 2011. – 288 с.

[5] Маслова И.С. и Исаева К.Н. Понятие контрафакта в российском законодательстве // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 74 – 76. С. 75.

[6] Михайловский И. В. Очерки философии права. - Т. 1. Томск, 1914. (Цит. по: Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права : учебно-методическое пособие. -М. : Проспект, 2012. - С. 374).

[7] Мицкевич А. В. Формы выражения, или источники, права // Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. - 3-е изд., перераб. и доп. - Т. 2: Право. - М. : Норма, 2007. -С. 268, 286 ;

[8] Суханов Е. А. Источники российского гражданского права // Источники российского права: вопросы теории и истории : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Марченко. -М. : Норма, 2005. - С. 87.

[9] Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для вузов. - М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2004.

Spisok literatury:

[1] Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v ходе obshherossijskogo gos-

ovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj tekst Konstitucii RF, vkluchayushhij novy'e sub`ekty` Rossijskoj Federacii – Doneczkuyu Narodnuyu Respubliku, Luganskuyu Narodnuyu Respubliku, Zaporozhskuyu oblast' i Xersonskuyu oblast', opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoj informacii [Elektronnyj resurs] URL <http://pravo.gov.ru>.

[2] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 22.07.2024) // Parlamentskaya gazeta, № 214-215, 21.12.2006.

[3] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 06.02.2021 № 256-r «Ob utverzhdenii Strategii po protivodejstviyu nezakonnomu oborotu promy'shlennoj produkcii v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 22.02.2021, № 8 (chast' II), st. 1381.

[4] Larin A.Yu. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik. (Seriya «Vysshaya shkola») – M.6 Knizhnyj mir, 2011. – 288 s.

[5] Maslova I.S. i Isaeva K.N. Ponyatie kontrafakta v rossijskom zakonodatel'stve // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 5. S. 74 – 76. S. 75.

[6] Mixajlovskij I. V. Ocherki filosofii prava. - T. 1. Tomsk, 1914. (Cit. po: Marchenko M. N., Deryabina E. M. Teoriya gosudarstva i prava : uchebno-metodicheskoe posobie. -M. : Prospekt, 2012. - S. 374).

[7] Miczkevich A. V. Formy vyrazheniya, ili istochniki, prava // Obshhaya teoriya gosudarstva i prava : akademicheskij kurs : v 3 t. / otv. red. M. N. Marchenko. - 3-e izd., pererab. i dop. - T. 2: Pravo. - M. : Norma, 2007. -S. 268, 286 ;

[8] Suxanov E. A. Istochniki rossijskogo grazhdanskogo prava // Istochniki rossijskogo prava: voprosy teorii i istorii : ucheb. posobie / otv. red. M. N. Marchenko. -M. : Norma, 2005. - S. 87.

[9] Rad'ko T. N. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya vuzov. - M. : YuNITI-DANA ; Zakon i pravo, 2004.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.